

«ЦАРЬ ПЕТР» АНТУАНА-ЛЕОНАРА ТОМА: ЗАМЫСЕЛ И ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ

А.И. Любжин

*Центр академического образования АНО ВО «РУМТ»,
Лаборатория междисциплинарного анализа социума, культуры и истории
(МАСКИ) ФПМИ Национального исследовательского университета
«Московский физико-технический институт»; vultur@mail.ru*

Аннотация: Рассматривается незавершенная эпическая поэма видного литератора, автора многочисленных похвальных речей А.-Л. Тома «Царь Петр», опубликованная посмертно, публикации в прессе и свидетельства современников, где идет речь о замысле поэмы и ходе работы над ней. Описываются сохранившиеся песни (шесть — по одной о Голландии, Англии и Германии и три о Франции) и фрагменты. На основании сохранившихся свидетельств и написанных частей делается реконструкция замысла. Материалы позволяют заключить, что исходный вариант состоял из двенадцати песней; поскольку путешествия заняли значительное место, оставшийся объем оказался недостаточным для полного раскрытия тематики. Потому от вергилиевского числа песней было решено перейти к гомеровскому (24). Тем не менее поэма не продвинулась дальше, и написанные части отражают прежде всего путешествия Петра (с большими хронологическими сдвигами сравнительно с реальной историей: так, Петр беседует с Людовиком XIV, участвует в качестве волонтера во второй битве при Гохштедте (13 августа 1704 г.)). Дается анализ фрагментов, который позволяет отнести их к раннему или позднему этапу замысла. В последнем разделе статьи уделено внимание европейскому контексту работы Тома над эпосом о Петре Великом, чья фигура привлекала интерес со стороны не одного литератора во Франции и в Италии. К моменту публикации поэма Тома уже утратила актуальность.

Ключевые слова: эпическая поэма; Петр I; А.-Л. Тома; путешествия

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-9

Для цитирования: Любжин А.И. «Царь Петр» Антуана-Леонара Тома: замысел и европейский контекст // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 110–128.

ANTOINE-LÉONARD THOMAS' *TSAR PETER*: CONCEPTION AND THE EUROPEAN CONTEXT

Alexey Lyubzhin

Russian University of Metatechnologies; Laboratory of Interdisciplinary Analysis of Society, Culture and History (iASCH), Phystech School of Applied Mathematics and Computer Science, National Research University "Moscow Institute of Physics and Technology"; vultur@mail.ru

Abstract: The article deals with the unfinished epic poem *Tsar Peter*, published posthumously by Antoine-Léonard Thomas, a prominent litterateur and author of numerous eulogies. The first section examines press publications and testimonies of contemporaries, where the idea of the poem and the course of work on it are discussed. The second section describes the surviving songs (there are six of them — one each about Holland, England, and Germany, and three about France) and snippets. In the third section, a reconstruction of the design is made on the basis of the surviving testimonies and the pieces written. These materials allow us to conclude that the original version consisted of twelve songs; since the travels took up a considerable amount of space, the remaining volume was insufficient for a full disclosure of the subject matter. It was therefore decided to switch from Virgil's number of songs to Homer's (24). Nevertheless, the poem did not advance further, and the written parts reflect primarily Peter's travels (with large chronological shifts compared to the real history: for example, Peter talks to Louis XIV, participates as a volunteer in the second battle of Höchstädt (August 13, 1704)). The section analyzes the pieces, allowing us to attribute them to an early or late stage of the plot. The fourth section focuses on the European context of Thomas' work on the epic of Peter the Great, whose figure attracted the interest of more than one literary figure in France and Italy. By the time of publication, Thomas' poem had already lost its relevance.

Keywords: epic poem; Peter the Great; Antoine-Léonard Thomas; voyages

For citation: Lyubzhin A. (2025) Antoine-Léonard Thomas' *Tsar Peter*: Conception and the European Context. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 110–128.

Проблема сочинения эпической поэмы на французском языке о Петре I — волновавшая как русское правительство, так и европейские литературные круги — была более значима, чем представляется на первый взгляд, и сохраняла актуальность, пока ее сохранял жанр стихотворного эпоса сам по себе. Ниже мы рассмотрим одно из таких произведений, не оконченное автором и опубликованное после его смерти. Но создатель его, Антуан-Леонар Тома, относился к числу видных литераторов своего времени, вложил в свое произведение много любви и труда и придавал ему большое значение.

Потому, хотя запоздалая и — скажем так — «мемориальная» публикация лишила «Петреиду» литературной актуальности¹, поэма сохраняет интерес как памятник внимания европейских литературных кругов к петровской тематике.

И. Замысел эпоса: свидетельства

В тексте самой поэмы Тома утверждает, что образ Петра представал перед ним еще с юности, когда, уединяясь в священных лесах, он задумывался над крупными трудами (130). Как отмечает Этьенн Микар, судя по переписке, поэмой о Петре I Тома был занят с 1759 г. [Micard 1924: 88]. Он делится планами с Ж.-Ф. Мармонтелем и Н.-Т. Бартом; первоначальный предполагаемый объем — 12 песней. 16 августа Тома сообщает Барту: «Печальное единообразие усыпляет меня и утомляет. Монотонность окружающих меня предметов сообщается моим идеям; чтобы привести в движение душу, мне нужны машины и рычаги... Мой великий замысел страшит меня... С другой стороны, я знаю, что патетическое — великая пружина, приводящая душу в движение, и я мало его нахожу в этом сюжете, столь обильном с другой стороны великими красотами. Однако я продолжаю набрасывать план песней, и сейчас я в конце пятой». 15 сентября он развивает тему: «Теперь скажем несколько слов о “Царе”... План закончен. Сюжет двенадцати песней уже написан и развит с рядом подробностей. Я прочел его Мармонтелю; он весьма доволен им. Вы знаете, что изначально сюжет был ему не по вкусу, он потом мне это повторял несколько раз. Сегодня он находит его восхитительным... Вчера я отобедал у него; мы много говорили об этом — величие плана, интерес, разнообразие, патетика, эпизоды, характеры, положения, новые живописные картины — он находит здесь все»². Работа сопровождается внимательным и критическим чтением Лукана; в переписке мелькают имена Гомера, Вергилия, Мильтона и Тассо. Но и в апреле 1760 г. детальный план есть только для первых трех песней; Барт отвечает ему: «Уверен, что никто не сможет привести мне какую-либо из красот или у Гомера, или у Вер-

¹ Впервые: *Œuvres posthumes de Thomas, de l'Académie Française*, T. I. Paris: Desserts, An X (1802). P. 17–250. Мы будем использовать текст, опубликованный в V томе ПСС: *Thomas, A.-L. Le Czar Pierre Ier, Poème // Œuvres complètes de Thomas, de l'Académie Française; précédées d'une notice sur la vie et les ouvrages de l'auteur, par M. Saint-Surin*. T. V. Paris: Verdière, Lhereux, Ladrage, Guibert. MDCCCXXV. P. 53–335. Ссылки на него будут даваться только с номером страницы.

² *Henriet, M. Correspondance inédite entre Thomas et Barthe (1759–1785) // Revue d'Histoire littéraire de la France, publiée par la Société d'Histoire littéraire de la France*. T. XXIV. 1917. Paris: A. Colin. P. 116; 121.

гилия, или у Тассо, которой я не мог бы противопоставить какую-либо из ваших... Царь, великий творец, жена, великая преступница, воительница, достойная быть супругой царя, сын, добродетельный и несчастный, пылкий Карл XII стоят Ахилла, Нестора, Энея, Ринальдо, Клоринды, Морне, если еще не лучше» (к эпическому списку добавляется — как же без нее — «Генриада» Вольтера) [Цит. по: Micard 1924: 90–93]. Потом в переписке наступает долгое молчание о Петре. В 1785 г. Тома пишет близкому другу, трагику Ж.-Ф. Дюси: «Для пространных произведений, занимающих всю жизнь, когда время подгоняет и старость приближается, часто пытаются удвоить шаг, как путешественник, развлеченный чем-либо в течение дня, ускоряет ход с наступлением ночи. Однако же я останавливаюсь, когда чувствую, что буду утомлен; я оживляю воображение чтением, а затем возвращаюсь с новыми силами. В настоящий момент я погребен в шахтах Германии и веду эпическую музу туда, куда она никогда не проникала» [цит. по: Micard 1924: 93].

Тома не скрывал от публики своего труда. Одна из песней была прочтена на церемонии его принятия в Академию 22 января 1767 г. Незадолго до смерти — 30 августа 1785 г. — он в Лионе читал VII песнь «Петреиды» на заседании местной Академии, вместе с Дюси, который прочел «Послание к дружбе»³. Местная пресса (*Journal de Lyon* от 17 сентября) сообщает номер песни, но не ее содержание. Дюси вспоминает о том же чтении на публичном заседании, говоря о «прекрасной песни о Людовике XIV», которую тот читал, «оглашая святилище Муз почтенными именами Тюренна, Конде, Люксембурга, Катина, Фенелона, герцога Бургундского», но Дюси не называет номера⁴. Там же он пишет о «частных заседаниях Лионской Академии (май и июнь 1785 г.), когда он читал то свою песнь об Англии, то о шахтах, то о праздниках Людовика XIV»⁵.

Опубликованные после выхода посмертного двухтомника критические мемуары С.-Ж. Бурле де Вокселля содержат интересное свидетельство: «Когда он впервые захотел пооткровенничать со мной, я у него спросил, в чем его план; он дал очень сбивчивый ответ, что он задумал грандиозную концепцию, которая поражает гений. Восемнадцать лет спустя я повторил свой вопрос, и он не сказал мне ничего более ясного. Однажды, когда он зашел ко мне,

³ A la veille de la révolution. Lyon de 1778 à 1788. Notes et documents publiés par Albert Metzger... Lyon: H. Georg. [1888].

⁴ Dumas, J.B. Histoire de l'Académie royale des sciences, belles-lettres et arts de Lyon, Par J.B. Dumas... T. I. Lyon: Giberton et Brun, 1839.

⁵ Автор сопровождает этот фрагмент примечанием: «Первое частное заседание, на котором присутствовали Тома и Дюси, состоялось 2 августа 1785 г.»

мне пришло в голову посоветовать ему сократить сюжет, взяв заголовок “Путешествия царя Петра”. Он замолчал, и в его улыбке промелькнула досада. Он решил описать очень пространное действие; часть его должно было составлять восстание царевича, а также, говорят, эпизод с татарским князем⁶, изгнанным из его страны. Этот эпизод отсутствует. На самом деле он воспел только путешествия своего героя, в Голландию, где его наставляет гений морского дела, в Англию — гений свободы, — во Францию — гений искусств — и в Германию — гений подземных богатств... Вымысел в рассказах о путешествиях (Гомер и Фенелон) предпочтительнее подробностей морского дела и минералогии. “Песнь о шахтах” — ответ на описания царства мертвых в первоклассных эпических поэмах; но элизиумом она не уравновешена⁷.

Мармонтель вспоминал: «Во время, когда и у меня самого была великая нужда в строгом и откровенном цензоре, Тома, который был много моложе меня, взял меня на эту роль. Я искренне хвалил его, часто даже и с увлечением; но я не скрывал от него, что желал бы в его стиле больше модуляций и меньше монотонности. “Вы играете, — говорил я ему, — на одной струне; правда, что она издает прекрасные звуки, но достаточно ли в них разнообразия?” Он выслушивал меня с печальным и скромным видом и, может быть, говорил себе, что у моей критики есть основания... Не от меня зависело, что он не употребил с большей пользой годы, отданные поэме о царе. Я дал ему ясно видеть, что поэме не хватало единства и интереса со стороны действия... Что вы будете воспевать? какое событие, какое основное действие станет предделом вашего повествования? “...Вы расскажете о путешествиях царя, о войне против Карла XII, о неповиновении и смерти сына, о разгромленных кликах внутри государства, о военной дисциплине, установленной в армиях, об искусствах и науках, перенесенных в его империю, о городе Петербурге, основанном на берегах Балтики, — это материалы для исторической поэмы, для ораторского элогия; но я нимало не вижу здесь сюжета — единого и простого — для эпической поэмы”. Он соглашался, что у него нет ответа на мой упрек; но, говорил он, если здесь нет драматического действия, которое можно было бы завязать и развязать, то у царя есть великий характер, чтобы его живописать.

⁶ В оригинале *prince*, что может означать и государя, и принца. Дать точный перевод не представляется возможным.

⁷ *Vaux[c]elles, S.-J., Bourlet de*. Edition complète des Œuvres d'Antoine Thomas, de l'Académie Française... // *Mercure de France, littéraire et politique*. T. VII. Paris: Didot jeune, An X (1802). P. 412–415.

Перед тем, как обратиться ко мне, он уже сочинил четыре песни о путешествиях царя в Голландию, в Англию, во Францию, в Италию. Эта великолепная прихожая включала великие красоты; он надеялся найти средства окончить здание; наконец он признал, что пытался сделать невозможное, и, через девять лет, он засвидетельствовал сожаление, что не последовал моему совету оставить это предприятие»⁸. Впоследствии Мармонтель ехидно отметит: «Путешествия царя Петра I — великолепный предмет амплификации для красноречия и поэзии, привилегия которых — исказить истину, преувеличивать и приукрашивать»⁹.

Ж.-Ф. Лагарп пишет в 1785 г.: «Двадцать лет он занимался сочинением эпической поэмы, чьим героем был царь Петр Великий. Он брался за нее и бросал ее не один раз и многократно менял ее план. Наконец, последний, на котором он остановился и по которому он работал, когда его похитила смерть, предполагал двадцать четыре песни. Не слишком выгодное представление об этом плане может дать то, что девять из них должны были быть посвящены только путешествиям царя, среди прочих три — во Францию (как будет видно из дальнейшего, здесь совмещаются два плана — ранний, предполагавший начать с путешествий, и поздний, в котором третья французская песнь должна была быть девятой — автор). Именно их он написал первыми. Остальные только задуманы. Но что думать об эпизоде такой длины, по большей части постороннем для героя, полностью в рассказах [иных лиц], занимающем треть произведения? Не значит ли это жертвовать главным побочному? Должна ли была история Людовика XIV занимать столько места в поэме, посвященной Петру Великому? И хорошо ли для сюжета так надолго терять его из вида? Как бы то ни было, говорят: то, что сделано, исполнено красот в подробностях, и я в том не сомневаюсь»¹⁰.

L'Année Littéraire сопровождает Тома в могилу следующими рассуждениями: «Г. Тома желал совершить поприще в 24 песни; но мы сомневаемся, что Петр Великий потерял в его лице Гомера; у этого писателя не было в гении довольно гибкости, чтобы приспособиться ко всем тонам, требуемым эпической поэзией. Его пыл был де-

⁸ *Marmontel, J.-F. Mémoires d'un père pour servir à l'instruction des ses enfans // Œuvres Complètes De Marmontel, De l'Académie Française. T. II. Paris: Amable Costes et Cie. M.DCCCXIX. P. 152–154.*

⁹ *Marmontel, J.-F. Régence du Duc d'Orléans. T. II. Paris: An XIII. 1805. P. 200.*

¹⁰ *Laharpe, J.-F. Correspondance littéraire, adressée à Son Altesse Impériale M. le Grand Duc, aujourd'hui Empereur de Russie, et à M. le comte André Schowalow, Chambellan de l'Impératrice Catherine II, Depuis 1774 jusqu'à 1791; Par Jean-François Laharpe. T. V. Paris: Migneret Imprimeur, 1807. Lettre CCXXIII. P. 12–13.*

ланным, это более сносно в ораторской декламации, нежели в поэзии, и его сентенциозная манера... самый утомительный недостаток в длинной поэме. Искренний друг г. Тома должен был бы посоветовать ему написать “Петреиду” в прозе; это в большей степени было бы в пределах досягаемости его таланта; он мог бы ее закончить; он не потратил бы сил и жизни на труд, противный природе, и это была бы немалая слава — стать соперником Фенелона, если бы “Петреида” оказалась достойна стать наряду с “Телемаком”¹¹.

Наконец, уже первое издание поэмы было предварено ее планом: «Первые песни поэмы о царе Петре содержат историю его путешествий. Этот государь, имея замысел цивилизовать свой народ, желает начать с собственного просвещения. Он пересекает Европу, чтобы собрать искусства и все науки, способствующие государственному величию. В первой песни герой поэмы в Германии. Вторая — его путешествие в Голландию, где он на верфях изучает кораблестроение; третья — его путешествие в Англию; четвертая, откуда я буду иметь честь прочесть вам несколько отрывков, г-да, — его путешествие во Францию. Автор счел, что, как поэт, он может не стеснять себя целиком точностью историка; потому, вместо того чтобы описать прибытие царя во Францию при регенте, он привел его туда в конце царствования Людовика XIV. Он счел, что положение Франции тогда было более интересным для описания...» (55–56). Этот план сопровождается примечанием, принадлежащим, по всей видимости, издателю посмертного собрания, известному библиографу и книгоиздателю Н.-Т. Ле Муану Дезессару, который выкупил бумаги Тома у наследников: «Этот план был набросан Тома в качестве введения к чтению некоторых отрывков из поэмы в лионской Академии».

Добавим еще несколько свидетельств и критических оценок. Гримм писал: «То, что есть дикого и дивного в Петре Великом, этот возвышенный инстинкт, руководящий государем, который сам еще пребывает в варварстве, когда он преобразует обширную державу, делает его более пригодным к воплощению в бронзе, нежели кого-либо из существовавших когда-либо властителей. Я желаю, чтобы гений г. Фальконе был на уровне его предприятия. Я желаю, чтобы г. Тома, занятый эпической поэмой, героем которой должен быть Петр Великий, воздвиг этому великому человеку памятник столь же долговечный, как и бронза г. Фальконе. Гений Петра послужит таким образом к тому, чтобы обессмертить двоих французов; и по-

¹¹ 4. L'Année Littéraire. Année M.DCC.LXXXVI. T. III. Paris: Mérigot, le jeune, Libraire M.DCC.LXXXVI. Lettre 1: 28. Об издателях и авторах журнала: <https://dictionnaire-journaux.gazettes18e.fr/journal/0119-lannee-litteraire-2>.

следние, передавая потомству почести, которые Екатерина воздает основателю Российской Империи, дадут позднейшим поколениям урок, какими памятниками следует почтить память августейшей государыни, дерзнувшей довершить до совершенства труд, начатый Петром Великим» (1er septembre 1766)¹². В дальнейшем Grimm описывает чтение отрывка из эпоса на церемонии вступления А. Тома во Французскую Академию: «После этой церемонии г. Тома прочел большую часть четвертой песни своей эпической поэмы “Петр Великий, император России”. Предмет этой песни — путешествие царя во Францию». Разговор Петра с Людовиком XIV — хронологический сдвиг на 12–15 лет; но Филипп Орлеанский был бы, по мнению Grimma, в данной ситуации более уместен. Петр играет вспомогательную роль и произносит лишь общие места. Для французов век Людовика XIV известен и без того; им следовало показать век России (1er février 1767)¹³. Противник философов-энциклопедистов Ш. Колле сообщает (январь 1767 г.): «В настоящее время он пишет эпическую поэму “Царь Петр”, одну песнь из которой он прочел в Академии в день, когда его в нее приняли. Нашли, что эта песнь — без воображения и без изобретения... Великое несчастье для литераторов — что они не живут в своем обществе, как было когда-то... В настоящее время каждый из них живет в мире, где он — солнце и, как он сам полагает, источник света; каждый человеческий поток в наши дни имеет свой изящный ум-солнце, и портит его видимостью (air), притязаниями, самолюбием, тщеславием или иначе. Кружок покойного г. де ла Попелиньера сбил с толку и погубил г. де Мармонтеля; и я с большой долей вероятности предполагаю, что умственная контора г-жи Марше и некоторые другие энциклопедические конторки вскружили голову г. Тома»¹⁴. Л. Ж.-П. де Фонтан не менее суров: «Нам неизвестен план “Петреиды” в целом; но шесть песней, окончанных автором, достаточны, чтобы показать: он не знал особенностей своего гения, принимаясь за эпопею. Здесь есть богатые подробности, но целое нарисовано в одних и тех же пропорциях, и эти пропорции — всегда гигантские. Нет разнообразия ни в ма-

¹² Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot depuis 1753 jusqu'en 1790. Nouvelle édition revue et mise dans un meilleur ordre. Avec des notes et des éclaircissemens... T. V. 1766–1768. Paris: Furne Libraire, MDCCCXXIX. P. 142.

¹³ Там же. С. 300–301.

¹⁴ Collé, Ch. Journal et mémoires de Charles Collé sur les hommes de lettres, les ouvrages dramatiques et les événements les plus mémorables du règne de Louis XV. 1748–1772. Nouv. Éd. augmentée de fragments inédits... Avec une introduction et des notes par Honoré Bonhomme. T. III. Paris: Firmin Didot Frères, Fils et CIE, 1868. P. 126–127.

нере строить планы, ни в манере письма»¹⁵. Мнение лучшего исследователя приведем в его афористическом заострении: «Он не делает “газету в рифмах”, как с преувеличением можно было бы сказать об исторической актуальности — он перелагает в рифмы “Энциклопедию”» [Micard 1924: 111–112]. Общий объем написанного, по его оценке, — около 7000 стихов.

II. Написанные части

Опубликованные части «Петреиды» ограничены путешествием Петра и представляют собой шесть песней (по одной посвящены Голландии и Англии (Chant de la Hollande и Chant de l'Angleterre), три песни о Франции (Chants de la France, имеющие свою нумерацию) и одна — о Германии (Chant des mines, Песнь о шахтах)). К ним примыкают пять фрагментов (Fragment du Chant de l'Allemagne, Variantes du Chant de l'Allemagne, Variantes du Chant de l'Angleterre, четвертый не имеет заголовка, пятый — Variantes du Chant troisième de la France). Если не готовые песни, то вся совокупность текстов относится к разным слоям замысла. Рассмотрим их в порядке публикации с содержательной точки зрения, обращая особое внимание на моменты, которые связывают их с другими частями произведения. Сразу же подчеркнем: ни одна из них не содержит эпического зачина, отказаться от которого по условиям жанра в ту пору было невозможно; из этого следует, что *в момент написания* ни одна из них не замышлялась как первая.

Chant de la Hollande. Описание Амстердама и процветания Голландии¹⁶. Петр отправляется в Сардам и учится корабельному делу, которое здесь подробно описано. Лефорт видит нового Петра: «Это уже не герой, победитель оттоманов; он искал монарха, а нашел ремесленника» (69). Возможно, это указывает на план описания азовской кампании в одной из первых песней поэмы. Лефорт называет его «монархом-творцом», «monarque créateur»¹⁷. Царя узнают.

¹⁵ Fontanes L. J.-P., marquis de. Œuvres de M. de Fontanes, recueillies pour la première fois et complétées d'après les manuscrits originaux... T. II. Paris: L. Hachette, 1839. P. 275.

¹⁶ «Здесь ограда, вырытая руками времени, представляет обширную гавань для счастливого матроса. Некогда несколько рыбаков, рассеянных по этому берегу, венчали камышом свою дикую хижину. Отец оставлял в наследство сыновьям невод, повешенный на пустынной скале. Сейчас эти места населены всем миром... Громадный бассейн представлял тысячу кораблей разом на своем лоне» (61). Сделаем осторожное предположение, что сходство этого места с известными стихами из «Медного всадника» не является случайным.

¹⁷ Возможно, это слово применительно к Петру «носилося в воздухе». Шевалье де Менвилье называет свой эпос о Петре *Petréade, ou Pierre le Créateur*. О зависимости одного эпоса от другого здесь вряд ли может идти речь.

В один прекрасный день, прерывая его труды, перед ним предстает мрачная фигура: «Это был святой старец, пророк из Архангельска, ужасная мысль о котором в этот миг поразила его оробевшую душу. Он видит его, слышит, имеет перед глазами. Таинственный смысл неприятного пророчества, это неведомое несчастье, ужасное, неизбежное, которое время до сих пор прячет под непроницаемым покровом, но чье время приближают все его труды, непреложный закон ожидающего рока вопреки его воле вновь возникает в его печальной памяти; он видит, что приговорен к бедствию собственной славой. Кажется, его удерживает смутное движение; он, дрожа, останавливается на краях грядущего, в ужасе отступает... В этом крайнем смятении душа с усилием борется сама с собой. “Роковой истолкователь, зачем ты со мной говорил? Нет, — говорит он, — мое сердце нельзя потрясти; как судьбы, моя душа нестибаема. Так нужно. Приблизим эту роковую ночь”». Скромный домик в Сардаме, где не шумит оружие и нет заговоров, дает Петру счастье, большее, чем он испытал, когда вел свою армию к Крыму или налагал цепи на бледных турок в дымящихся стенах Азова. Великие голландские медики. Пропаганда веротерпимости. Петр готовится покинуть Голландию.

Chant de l'Angleterre. Богиня Свобода встречает Петра и знакомит его с Англией. Она показывает ему процветающее земледелие и суд. Они приходят в Лондон и направляются в Вестминстер. Призраки английских королей — «страшная тень» последнего Генриха (VIII) и светлая — Елизаветы. Свобода показывает Петру костры фанатизма. Слабые и ничтожные Стюарты. Громадная в своем ужасе фигура Кромвеля: «величайший из смертных, не будь он преступнейшим из них» (117). Парламент. Знакомство с достижениями культуры и интеллектуальной жизни: Рен, Бойль, Ньютон, Локк, Аддисон. Король Вильгельм I (Нассау) раскрывает перед Петром политические тайны. Английский магистрат не дает Петру казнить его собственного подданного, совершившего тяжкое преступление.

Chants de la France. 1. Похвала Франции и гениям века Людовика XIV. Петр покинул берега Англии и из Дувра направляется в Кале. Лефорт сравнивает англичан и французов. Они прибывают в Париж и спешат в Версаль. Петр уже обладает высокой репутацией: «великое имя, которое, отправившись в путь от крымских берегов, увеличивает, от двора к двору, свою обширную славу» (138). Праздник в Версале: брак воспитанника Фенелона Людовика, герцога Бургундского, и Марии-Аделаиды Савойской (состоялся в декабре 1697 г.). Лефорт перечисляет Петру — спрашивавшему о Люксембурге, Лувуа,

Кольбере, вспоминающему о Тюренне, Конде — полководцев Людовика, которые к тому времени еще живы. Беспокойство Петра о сыне: «Мой сын являлся мне в темных тучах, его искаженное чело погружалось в тень; мой сын, мой собственный сын мне внушал ужас. Казалось, что моя кровь, восстав против меня, роптала в моем сердце и открыла против меня войну. И вдруг я подумал, что из лона земли поднялся на моих глазах (это не было ошибкой), — этот старец (я его увидел), слуга ужаса, страшный пророк из пустынь Архангельска, я его увидел, — рокового истолкователя моей судьбы. Неподвижный и немой, этот угрюмый старец, казалось, бросал на меня длительный и грустный взгляд. Чего хочет от меня, дорогой друг, этот ужасный призракт?.. Почему он поместился между моим сыном и мной? Все исчезло с зарею; но и в твоих объятиях меня преследует страх» (152). Лефорт утешает его: если тут и есть чудо, то это — страх великого человека. Сын Петра будет достоин его. Петр участвует в версальской охоте и убивает вепря, который угрожал гибелью ее участницам. Людовик XIV узнает Петра.

Chants de la France. 2. Длинный рассказ Людовика. Ришелье, подготовивший величие Франции; собственное воспитание кажется королю недостаточным. Он подавил оппозицию. Каков характер французов и как можно было им управлять. Пространные характеристики великих полководцев — Конде, Тюренна, Люксембурга. Лувуа. Людовик желал скорее поразить, чем поработить весь мир. В центре — честь (l'honneur). Она плохо совместима с золотом. Кольбер, который обратил Францию к морям. Роскошь, которая может быть и живительной, и губительной. Дворец Людовика стал святилищем Муз. Судьба изгнанных гугенотов — новое возвращение к теме веротерпимости. О милости короля умоляет мать-протестантка, у которой отняли детей и заключили в тюрьму мужа, заслуженного воина, оказавшего сопротивление и убившего одного из нападавших. Людовик оказывает эту милость.

Chants de la France. 3. Париж. Искусства. «Париж являет его глазам цивилизованного человека, чей творческий вкус облагораживает богатство, воинственного, но человеческого, вежливого, но без изнеженности» (200). Бог искусств (с перечислением крупнейших артистических и литературных имен Франции) является Петру. Различные виды искусств — рисунок, живопись, гравюра, скульптура. Отливка конной статуи Людовика. Пророчество о Медном всаднике: «Знай, что твоим доблестям, твоей благородной отваге твоя страна в один прекрасный день должна воздать такую же честь, — ответил бог искусств. В ледяных болотах, на бесплодных

берегах, в щетинистых лесах, бронза, гордая тем, что воспроизводит твои черты, украсит твердыни — твое творение. Там народ, наследник твоих громадных благодеяний, будет почитать твою тень, почитая твой образ. Ничего — ни города, ни народа, ни художника — пока еще нет, но твой гений уже есть» (212). Искусства продолжают: архитектура, ткачество, ювелирное мастерство, изготовление стекла, оптика, философия (la Méditation). Храм природы и стихии. Красноречие (оно очень потеряло в силе с течением времени). Музыка и поэзия. Храм Истории. Петр посещает Дом Инвалидов. Между тем в Польше умирает Ян Собеский. Людовик приглашает Петра на тайное совещание; Петр в благородных выражениях отказывается поддержать кандидатуру Конти (события 1696–1697 гг.).

Chant des mines. Песнь о шахтах, или Германия. Петр покидает Берлин. Недалеко от Гослара, в Герцинском лесу, расположены шахты, куда спускается Петр. Пространное знакомство с подземным миром и его опасностями. Реквием (le repos éternel), трехкратно произнесенный по живым. Смертельно опасные работы в шахтах; Петр, возмущенный социальной несправедливостью, получает спокойный ответ немца-проводника: «Ты это знаешь лучше, чем я: на этом земном шаре, где мы пребываем, везде человеческий род живет лишь для немногих людей» (263). Но и у шахтеров есть отдых и свои радости. Подземные воды разливаются; они увлекают двоих — одного из шахтеров и Лефорта. Петр бросается в бездну и спасает им жизнь. Петру во сне является гений подземного мира, чтобы показать царю все его таинства, драгоценные металлы и камни. Подземный мир раскрывает историю земли. Вулканы. Руины миров, нагроможденные друг на друга; кости древних животных. Остатки человеческих цивилизаций. Тартар — ад, созданный человеческими руками. Петр говорит: «Пусть мои великие планы на Севере осуществляются, и если я после паду вечным падением, я на это согласен». Гений в ответ пророчит, что он проживет еще шесть пятилетий (291–292).

Перейдем к фрагментам. 1. *Fragment du Chant de l'Allemagne*. Два первоначально — доброе и злое. Окружение доброго гения. Возвышенный гений искусств. Истины, воображение, гармония и мудрость. Лучшее создание — добродетель. Расположение доброго гения к Петру. Он предписывает гению искусств: «Взгляни на этого героя, который покинул свои государства. Сблаговоли просветить его сердце, сблаговоли руководить его шагами... Покажи ему все эти искусства, все эти плоды талантов... Представь перед его очами

Лондон, Париж и Рим: ты образуешь народ, образовав великого человека» (298–299). Гений летит над миром и останавливается над императорским дворцом на берегу Дуная. Царь просыпается; он желает все видеть и все знать. Прежнее варварство воинственной Германии; религиозные раздоры. Изобретение книгопечатания и пороха; Кеплер, Коперник, Тихо Браге. Военное искусство. Петр перечисляет своих внешних врагов. Евгений Савойский. Петр в качестве волонтера должен участвовать во второй битве при Гохштедте (13 августа 1704 г.), началом которой заканчивается фрагмент.

2. *Variantes du Chant de l'Allemagne*. Два бессмертных существа — доброе и злое. Дух зла с удовлетворением взирал на север: «русский, погребенный в сухих пустынях, наследник татарских лесов и нравов, тупой, с гордыней и кичающийся своим варварством» (321). Тут он замечает Петра. Он созывает своих детей, с чьей помощью терзает мир, и науськивает их на Петра. Представляет собой частичный вариант первого, но более вписан в эпическую традицию.

3. *Variantes du Chant de l'Angleterre*. Царь по пути из Голландии в Англию попадает в бурю. Он спасает жизнь Лефорту.

4. Фрагмент без заголовка. Герой обучается в школе времени; на колоннах из золота, яшмы и порфира он видит имена благодетелей человечества — жрецов, царей, законодателей. Бог показывает ему место, приготовленное для него. Никаких привязок к месту и времени нет.

5. *Variantes du Chant troisième de la France*. Прославление свободных искусств и Франции, владеющей ими. Лефорт призывает Петра не отчаиваться за Россию. И у британцев, немцев, голландцев и французов искусства созрели не сразу. Варварская мощь и свежесть могут преодолеть путь быстрее.

III. Структура и концепция

Прежде чем перейти к реконструкции авторского замысла, отметим одно бросающееся в глаза противоречие наших источников. Лионская газета сообщает о чтении VII песни эпоса; судя по воспоминаниям Дюси, это первая французская песнь. План, приведенный как предназначенный для лионской академии, говорит о четырех песнях; для седьмой в нем места нет. Правда, чтение в Лионе было не одно; но логически возможное радикальное изменение замысла за несколько месяцев до смерти представляется невозможным психологически. Либо заблуждается официальная хроника, сделанная по горячим следам, либо приведенный план не относится к Лионской академии (эти два документа противоречат друг другу

в любом случае, независимо от того, будем ли мы доверять воспоминаниям Дюси). Противоречие разрешается, если мы предположим, что документ, не имевший иного заголовка, кроме «План...», был истолкован издателем неверно, — он забыл или не знал о давнем парижском выступлении и помнил о значительно более позднем, лионском. Если мы будем рассматривать этот набросок как ранний, он соответствует показаниям Гримма (речь в них идет о четвертой песни, которая как раз и относится к Франции) и не предполагает, что песням о путешествии предшествовали какие-либо другие. Общее направление эволюции замысла заключается в его расширении: если столько места уделялось путешествию, то становилось понятно, что вергилиевского числа песней недостаточно; на смену пришло гомеровское. При этой метаморфозе, по-видимому, содержание ненаписанной части эпоса не было распределено по песням изначально и тем более — в конце; неполнота нашей реконструкции будет, таким образом, объясняться не столько скудостью источников, сколько непродуманностью самого замысла. И № 7 в этом контексте хорошо соответствует общему числу в 24, точно так же как № 4 — общему числу 12. Наши данные позволяют вычленить две стадии: с 12 песнями (назовем ее ранней) и соответственно позднюю — с 24 песнями.

Из датирующих факторов для сохранившихся песней отметим сообщение самого Тома о позднем происхождении песни о шахтах; упоминание Медного всадника в третьей французской песни имеет смысл как *vaticinium post eventum*; в противном случае само его упоминание становится непонятным. Он был воздвигнут в 1782 году; с большой вероятностью можно предположить, что она также относится к числу поздних.

Голландская песнь и первая французская содержат упоминание о некоем святом старце из Архангельска; его появление предполагает, что царь в рамках эпоса ранее бывал в Архангельске и, следовательно, что-то предшествовало зарубежному путешествию. Это несовместимо с наброском плана и позволяет отнести обе эти песни к числу поздних.

Английская песнь не содержит признаков, которые помогли бы отнести ее к тому или другому этапу. Но есть набросок, содержащий интересный мотив, — Петр спасает Лефорта из воды. То же самое он делает в песни о шахтах. Полагаем, что извлечение Лефорта из воды как — воспользуемся новомодным словечком — эпическая *повседневность* вряд ли могло входить в замыслы Тома, и потому фрагмент 3, несовместимый с песнью о шахтах, отнесем к ранней

стадии, а песнь — к поздней. Почему Тома отказался от бури? Может быть, его смутила идея устроить ее для Петра в тех же местах, где по воле Вольтера она подстерегала Генриха Наваррского? В любом случае это шаг в сторону от эпической конвенциональности, от «Одиссеи», «Энеиды» и «Фарсалии». Куда? Одно из возможных направлений — в сторону исторической достоверности (насколько о ней допустимо говорить).

Таким образом, единственной общей для раннего и позднего этапов остается вторая французская песнь, имеющая № 4 в ранней версии и с высокой долей вероятности (если считать воспоминания Дюси точными) № 8 в поздней (упомянутая № 7 — первая песнь о Франции, а в дошедшей до нас группе трудно было бы оспаривать, что они идут друг за другом).

Теперь обратимся к фрагменту № 1. Он наименее историчен из всех (хронологический сдвиг меньше, чем с Францией, но все подробности вымышлены), и он включает введение к разделу путешествий в целом, содержа упоминание Лондона, Парижа и Рима. Это заставляет нас серьезнее отнестись к Италии, упомянутой Мармонтелем. Тот ничего не пишет о Германии, и, по-видимому, Италия фигурировала в разговорах; но замысел включить ее, думается, был. Список во введении неполон (Голландия должна была бы фигурировать в нем при любых обстоятельствах), но, думаю, упоминание незначимо, а упоминание — значимо. Этот замысел неудачен: если эпос членить на три части, Италия уже не укладывается в схему, если на две — одной не хватает, да и слишком очевиден тот факт, что путешествия не должны занимать половину произведения, посвященного Петру I. Именно соображения такого порядка и заставили переменить план. А эпический зачин был оставлен на потом.

Итак, для ранней версии мы имеем следующую картину. Песнь I — Германия — фрагменты 1 и 2. Песнь 2 — Голландия (по-видимому, не написана, или написанные части полностью инкорпорированы в дошедшую до нас версию). Песнь 3 — Англия (фрагмент 3). Песнь 4 — Франция (2-я песнь о Франции). Песнь 5 — Италия (по-видимому, не написана).

Для поздней версии картина складывается следующим образом. С большей степенью надежности — наши песни о Голландии, Англии и Франции в той же последовательности имеют №№ от 5 до 9. Германия, по-видимому, предшествует им; она могла быть описана в одной или, скорее, в двух песнях (одна из них — шахты). Тогда по крайней мере две песни должны были быть посвящены внутренней российской тематике; было бы логично, чтобы одна из них была отведена успехам Петра на азовских и черноморских берегах, а вто-

рая включала встречу в Архангельске. Но ничего более конкретного о первых четырех песнях сказать нельзя, кроме того, что там рассматривалась российская и германская тематика в пропорции 3:1 или 2:2. Италия к тому времени могла исчезнуть из планов. Отметим «антиэпический» характер манеры Тома: архангельский старец, вероятно, символизирующий косную московскую Русь, желает отвлечь Петра от его начинаний (в отличие от Гектора и Меркурия у Вергилия, архангела Гавриила у Тассо и кн. Александра Тверского у Хераскова, которые приводят в движение всю эпическую механику), а Петр, вместо того чтобы рассказать гостеприимцу о роковых моментах своей жизни, как делают Эней у Вергилия, Генрих Наваррский у Вольтера и тот же Петр у Ломоносова и Менвилье, выслушивает его рассказ.

Что касается дальнейшего, то речь может идти только об эпизодах. Архангельского старца мы уже рассмотрели; добавим, что в одном случае есть непосредственная связь с сыном, в другом — нет. Вернемся к свидетельствам, которые говорят о содержании. Для эпической фантазии Тома, полагаем, было вполне приемлемо изобразить вооруженный мятеж, возглавляемый Алексеем Петровичем, и составить заговор от имени несчастной Евдокии Лопухиной. В этом случае мы имеем дело с сильной тенденцией идеализации царского образа. В том же направлении движется авторская мысль, превращая Марту Скавронскую в Клоринду. Что касается татарского князя, выскажем осторожное предположение, что речь идет о Дмитриии Кантемире. Но ничего более конкретного сказать об эпосе вне рамок путешествий не получается.

IV. Европейский контекст

Содержательные проблемы, с которыми столкнулся Тома, занимали не его одного. Опытный и мудрый М.М. Херасков считал тему Петра для эпопеи преждевременной: «Два великие Духа принимались петь Петра Великого, Г. Ломоносов и Томас; оба начали — оба не кончили»¹⁸. Он не пишет о завершённом произведении Менвилье, о существовании которого, несомненно, знал; но этот опыт по справедливости не был признан удачным [Любжин 2023]. Тома сразу же столкнулся тем, что на родине у него нашелся соперник, но это его не остановило: «Мы ожидаем Историю Царя Петра Алексеевича г. де Вольтера... и того же сюжета в эпической поэме от г. д'Арно, который трудится над ней в течение нескольких лет; он

¹⁸ *Херасков М.М.* Россияда, поэма эпическая // Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. Ч. I. М.: Ридигер, Клаудий, 1796. С. XVIII.

прав, взяв этого Императора в качестве предмета своих песней; это, может быть, первый из героев»¹⁹. «10 октября [1763 г.]. Эпическая поэма г. д'Арно о Петре I столкнулась с досадной конкуренцией: г. Тома, к несчастью для него, работает над тем же сюжетом. Нет впечатления, что современный *Иеремия* может выстоять перед лицом подобного соперника; в остальном рассудит публика»²⁰.

Чрезвычайно важное свидетельство о живом интересе к теме эпопеи о Петре I в европейских литературных кругах приводит Карло Денина, сам автор прозаической «Петреиды»: «К тому времени у меня был случай встретиться в Милане с аббатом Парини, знаменитейшим из наших поэтов той эпохи и профессором изящной словесности в столице Ломбардии... Парини сказал мне, что долго уже раздумывал над сочинением поэмы о Петре I, но что он не находил в истории этого знаменитого царя действия, которое могло бы сформировать то, что называется фабулой, и придать произведению надлежащее единство: *основание Петербурга*, добавил я. Пораженный одним этим названием, он в порыве страсти воскликнул: “Это правда, это правда; как я не подумал об этом раньше”. Десять лет спустя, приглашенный в Берлин Фридрихом II, я занимал место в его академии по классу изящной словесности. Одна из первых прочтенных мною записок затрагивала причины крайней редкости эпических поэм, снискавших успех. Приводя и рассматривая с некоторыми подробностями сюжеты, которые как из древней, так и из новой истории могли быть почерпнуты для произведения этого жанра, я заговорил и о Петре Великом. Князь Долгорукий, посланник петербургского двора при берлинском, оказал мне честь присутствовать на заседании, чтобы выслушать мою записку, и рассказал мне о русском поэте Ломоносове, который занимался этим сюжетом; мои старые собраты по академии, Формей, Мериан и Беллен, по сему случаю рассказали мне о французском беглеце, который несколько лет тому назад выпустил в свет поэму под названием “Петреада”. Г. Битобе говорил со мной о “Петреиде”, поэме, над которой долго уже трудился знаменитый Тома. Все это утверждало меня в идее, что история Петра I — сюжет, пригодный для поэтической формы и весьма подходящий для эпопеи»²¹ [Denina s. a.: 5–6].

¹⁹ L'Année Littéraire. Année M.DCC.LX. Par M. Fréron... T. III. Amsterdam, et se trouve à Paris: M. Lambert. P. 354–355.

²⁰ [Bachaumont, L.-P. de]. Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France, depuis M.DCC.LXII jusqu'à nos jours; ou Journal d'un observateur... T. I. Londres [i.e. Genève?]: J. Adamson. M.DCC.LXXXIV. P. 283.

²¹ Denina C. Notice d'un ouvrage intitulé, dans la traduction française: Pierre le Grand, par Charles Denina. S. l. et a. De l'imprimerie de Mame frères. 1810? P. 5–6.

В очерке, на который он здесь ссылается, К. Денина говорит следующее: «Я не буду решать спор, кто из двух — Петр I или Фридрих II — в большей степени великий человек; но мы вполне можем открыто сказать, что первый, не будучи более велик, был более поэтическим героем. Таким образом, целая толпа поэтов занималась им в наши дни. Я могу назвать пять, кроме москвитя Ломоносова, сочинившего две песни на сей богатый предмет. В Берлине знают, может быть, лучше, чем в других местах, “Петреаду” шевалье де Менвилье, поскольку он провел здесь некоторое время из-за путешествия в Россию, предпринятого для знакомства со страной его героя... Г. Тома... долго мучился, создавая поэму о Петре I; наконец он ее оставил, утомленный трудностями французской версификации. Этим занимались трое мне лично знакомых итальянцев, не окончив ничего, что они сочли бы достойным выйти в свет»²². [Denina 1793: 507–508].

Такой живой интерес к теме на франко-итальянской почве свидетельствует об успехе культурной политики Екатерины II, которая ввела российскую тематику в моду; однако задача создания поэтического произведения о первом герое России на языке, который позволил бы европейцам прочесть его в оригинале, в рамках существующих на тот момент жанровых конвенций оказалась слишком сложной. Тогдашние поэтические таланты с ней не справились, а впоследствии, с радикальным изменением литературных вкусов, сама она утратила актуальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Любжин А.И. Шевалье де Менвилье и его эпос «Петреада» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 2 (2023) С. 123–140.
2. Micard, E. Un écrivain académique au XVIIIe siècle. Antoine-Léonard Thomas (1732–1785). Paris: Éd. Champion. 1924.

REFERENCES

1. Lyubzhin A. I. Sheval'e de Menvil'e i ego epos «Petreada» Iz istorii poeticheskikh zakazov russkogo pravitel'stva v XVIII v. [Chevalier de Mainvilliers and his epic Poem Pétréade: from the History of poetic Orders of the Russian Government in the 18th Century]. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, pp. 123–140.

²² Denina, C. Sur la poésie épique. Premier mémoire; Second mémoire sur les différentes causes du peu de succès qu'ont eu les autres ouvrages en ce genre. Appendice des deux Mémoires précédents. Par M. l'Abbé Denina // Mémoires de l'Académie royale des sciences et belles lettres depuis l'avènement de Frédéric Guillaume II au trône. MDCCLXXXVIII et MDCCLXXXIX. Avec l'histoire pour le même temps. Berlin: George Decker, Imprimeur du Roi, MDCCXIII. P. 507–508.

2. *Micard, E.* Un écrivain académique au XVIIIe siècle. Antoine-Léonard Thomas (1732–1785). Paris: Éd. Champion. 1924. 311 p.

Поступила в редакцию 26.11.2023
Принята к публикации 28.08.2024
Отредактирована 05.03.2025

Received 26.11.2023
Accepted 28.08.2024
Revised 05.03.2025

ОБ АВТОРЕ

Любжин Алексей Игоревич — доктор филологических наук, профессор Центра академического образования АНО ВО «РУМТ», старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории физтех-школы прикладной математики и информатики, МФТИ, Физтех; vultur@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexey Lyubzhin — Doctor of Philology, Professor of the Autonomous noncommercial organization of higher education “Russian University of Metatechnologies”, Senior Research Fellow of the Laboratory of Interdisciplinary Analysis of Society, Culture and History (iASCH), Phystech School of Applied Mathematics and Computer Science, National Research University “Moscow Institute of Physics and Technology”; vultur@mail.ru